

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2023.32.68.002

Определение понятия «пиджин» и его соотношение с креольскими языками

Мбани Фред Рюдель

Магистрант,
Институт социальных и гуманитарных наук,
Тюменский государственный университет,
625003, Российская Федерация, Тюмень, ул. Ленина, 23;
e-mail: fredmbani6@gmail.com

Аннотация

В статье раскрывается определение понятия «пиджин» и его соотношение с креольскими языками. Актуальность темы вызвана конкурирующими гипотезами об изучении и сопоставлении этих явлений с точки зрения лингвистики. Автор показывает сопоставления процессов формирования пиджинов и креольских языков. Предпринята попытка проследить взаимосвязь процессов, приводящих к формированию пиджина. Представлен обзор научных исследований, посвященных структурным особенностям контактных языков. Выявлены лингвистические стратегии и определены взаимодействующие процессы, приводящие к пиджинизации. Сделаны выводы о том, что между этими языковыми явлениями есть если не генетическое, то типологическое сходство. Исследования структурных аспектов креольского языка еще не дали информации в общей лингвистике, помимо вопросов привязки времени и конструкций последовательных глаголов. Например, исследования лектальных континуумов обладали таким потенциалом, но креолисты мало что сделали, чтобы показать, как их результаты могут быть применимы к другим языкам. Смешанная природа мезолектов, этих промежуточных разновидностей, сочетающих в себе черты как акролекта, так и базилекта, должна была информировать общее языкознание о заблуждении, заключающемся в предположении монолитных грамматических систем. Однако в этом направлении сделано мало. Точно так же дебаты о происхождении креольского языка могли бы сообщить исторической лингвистике о важности изменения внешних условий для изменения языка.

Для цитирования в научных исследованиях

Мбани Ф.Р. Определение понятия «пиджин» и его соотношение с креольскими языками // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 8А. С. 14-22. DOI: 10.34670/AR.2023.32.68.002

Ключевые слова

Пиджин, креольский язык, лингва франка, нативизация, лексификация, релексификация, креолистика, базилект, мезелект, акролект, креолист.

Введение

В настоящее время изучение и сопоставление контактных языков все больше привлекает внимание лингвистов. Большинство научных исследований пиджинов и креольских языков (ПК) сосредоточено на их происхождении, несмотря на неоспоримый рост в 1990-е гг. количества исследовательских работ, посвященных структурным особенностям этих языков.

Что такое пиджины и креолы?

Нужно сказать, что формирование пиджинов, возникших еще в XVII–XIX вв. вокруг Атлантического, Индийского и Тихого океанов в результате контактов между колониальными нестандартными разновидностями европейского языка и некоторыми неевропейскими языками в результате редукции языка-лексификатора – это социальный процесс, так как они были вынуждены приспосабливаться к языку доминантной группы. Пиджины обычно появлялись в торговых точках, которые располагались вокруг торговых портов или вдоль торговых путей, например, на побережье Западной Африки. Пиджинов было очень мало и в основном они служили лингва-франкам, которые сохранили свой родной язык для повседневного общения. Язык пиджинов превратился в обычный разговорный язык, которым пользовались в городских условиях, и их называли «расширенными пиджинами». В этот язык внедрялась лексика бислама и ток-писин (в Меланезии), а также нигерийского, камерунского и пиджин-английского языков. По своей структуре они были также сложны, как и креолы. Эти языки развивались в поселенческих колониях, основную промышленность которых составляли плантации сахарного тростника или рисовых полей, где использовался массовый рабский труд неевропейцев.

Такому же влиянию подверглись языки Криола Кабо-Вердиана (лексифицированный португальским языком) и Папиamentу на Нидерландских Антильских островах (очевидно, основанный на португальском языке, но под влиянием испанского языка); гаитянский, маврикийский и сейшельский (лексика французского языка); ямайский, гайанский и гавайский креольский язык, а также гулла в США (все лексифицированы английским языком); и Сармаккан и Сранан в Суринаме (лексически выражены английским языком, первый из которых находится под сильным влиянием португальского языка, а второй – голландского). и были приняты на плантациях.

Чауденсон [Chaudenson, 1992, 21] утверждает, что «язык креолов развивались путем базилектализации от лексификатора, т. е. приобретения базилекта, который является разновидностью французского языка». Муфвене подчеркивает, «что креолы и пиджины развивались в разных местах, в которых европейцы и неевропейцы взаимодействовали в разных направлениях: торговые и поселенческие колонии», (которые производили пиджины) [Mufwene, 2001]. Более того, термин «пиджин» был придуман в 1807 г., спустя два года после того, как термин «креольский» уже использовался в отношении разновидности языка. «Пиджин-английский», по-видимому, искажение «делового английского», развился в Кантоне, в географическом районе, где не развивалась крупная колониальная плантационная промышленность и где не было вообще креолов.

Термин «креолы» первоначально был придуман в иберийских колониях, по-видимому, в шестнадцатом веке, по отношению к некоренному населению, родившемуся в американских колониях. К началу семнадцатого века он был принят на испанском языке, затем на французском, а затем и на английском языке. Ко второй половине того же столетия оно было

распространено на потомков африканцев или европейцев, родившихся в романских колониях столичном. Использование креола варьировалось от одной колонии к другой. Этот термин также использовался как прилагательное для характеристики растений, животных и обычаев, типичных для тех же колоний.

Креольский язык не использовался как разновидность языка до конца восемнадцатого века. Такая ситуация сложилась из-за инициативы европейских метрополий, чтобы лишить избирательных прав определенные колониальные разновидности своих языков. Тем не менее, некоторые носители креольского языка (или пиджина) на самом деле полагают, что говорят на диалектах своих лексификаторов.

Среди самых ранних заявлений о том, что креолы произошли от пиджинов, можно назвать следующее утверждение Блумфилда [Bloomfield, 1933, 474]: «Когда жаргон (т.е. пиджин – авт.) стал единственным языком рассматриваемой группы, это креолизованный язык». Холл по-новому интерпретировал это, связав народную функцию креолов с нативизацией.

Таким образом, креолы были ошибочно определены как «нативизированные пиджины», то есть пиджины, которые приобрели носителей языка и, следовательно, расширили свои структуры и функции. Затем Холл также представил пиджин-креольский «жизненный цикл», к которому ДеКамп добавил «посткреольскую» стадию [DeCamp, 1971].

Первым представителем креольского языка, который доказывал эту связь, был Аллейн [Alleyne, 1971, 169-186]. Он утверждал, что окаменелая флективная морфология в гаитянском креольском языке и т.п. является свидетельством того, что европейцы не общались с африканцами, что способствовало бы распространению пиджинов на плантациях. Чауденсон утверждает, что плантационным сообществам предшествовали усадьбы, на которых более ранние рабы, которые говорили на мезолектальных аппроксимациях европейских лексификаторов, а не на пиджинах [Chaudenson, 1992, 21]. Как и некоторые историки, экономисты, литераторы по социально-экономической истории предполагают, что в североамериканских колониях чернокожие креолы свободно говорили на этом лексификаторе. В рекламе беглых рабов в британских североамериканских колониях плохой английский обычно ассоциируется с рабами, импортированными взрослыми из Африки. Диахронические данные о креолах позволяют предположить, что базилекты возникли во время пика роста плантаций (в восемнадцатом веке для большинства колоний!), когда детская смертность была высокой, продолжительность жизни была короткой, население плантаций увеличивалось главным образом за счет массового импорта рабского труда и доли носителей более ранних колониальных разновидностей продолжала снижаться [там же, 21].

Согласно модели жизненного цикла были получены уникальные сосуществования языков за счет лексификатора. Эту гипотезу развития можно проследить до учений Шухардта о том, почему «афроамериканский английский структурно ближе к североамериканскому английскому, чем сарамакский к его лексификатору: сосуществование с ним в Северной Америке и отсутствие таких постоянных контактов в Суринаме [Schuchardt, 1909]. Де Кэмп и несколько креолистов, которые последовали его примеру, возродили эту позицию, ссылаясь на декреолизацию («потерю «креольских» особенностей») для объяснения речевых континуумов в креольских сообществах.

Именно в этом контексте Де Камп ввел термин «посткреольский континуум», который следует интерпретировать снисходительно [DeCamp, 1971]. Если разновидностью является креольский в силу особой социально-исторической экологии своего развития, а не в силу своих структурных особенностей, она не может перестать быть креольской даже после изменения

некоторых признаков. Кроме того, в этих сообществах продолжают сосуществовать базилектальные и мезолектальные особенности, что позволяет предположить, что креолы еще не вымерли. Лалла и Д'Коста представили обширные данные против декреолизации у карибских английских креолов [Lalla, D'Costa, 1990].

С этим вопросом тесно связано распространенное предположение о том, что креольский язык – это отдельный язык от его лексификаторов и его бывших колониальных разновидностей, на которых говорят потомки европейцев.

Таким образом, нестандартные варианты французского языка, на которых говорят в Квебеке и Луизиане, а также на карибских островах Сен-Барт и Сент-Томас, считаются диалектами французского, а не креольского языка. Точно так же нестандартные разновидности испанского и португальского языков Нового Света не считаются креолами, несмотря на структурное сходство, которое они демонстрируют с креолами тех же лексификаторов. Хотя эта классификация не признается в лингвистике, она, по-видимому, в целом связана с тем, что имеет ли большинство преимущественно в пролетарских сообществах, говорящих на новом, колониальном языке с европейским или неевропейским происхождением. В противном случае, все колониальные разновидности европейских языков реструктурируются и становятся контактными.

Текущая классификация разговорных языков на креольские и некреольские языки остается под вопросом. Неопределенность происходит главным образом из-за отсутствия критерия для измерения структурного отклонения от лексификатора, особенно когда сомнительно, что оно было одинаковым для контактов.

Также утверждалось, что креолы имеют более или менее одинаковую конструкцию. Эта позиция столь же спорна, как и встречное утверждение о том, что они более схожи в социально-исторической экологии своего развития, или даже более позднее утверждение о том, что существуют креольские прототипы, от которых отклонялись. Сам факт обращения к небольшому числу прототипов общей структурной категории креольского языка предполагает, что подавляющее большинство из них не имеют предполагаемого набора определяющих признаков, а следовательно, эти признаки не могут быть использованы для выделения их в качестве уникального типа языка. С другой стороны, различия в структурных особенностях креолов (лексифицируемых одним и тем же языком) коррелируют с различиями в языковой и социально-исторической экологии их развития [Mufwene, 2001]. В понятие «экология» входят, среди прочего, природа лексификатора, структурные особенности языков-субстратов, изменения этнолингвистического состава контактировавших популяций, виды взаимодействия между носителями лексификатора и других языков, а также темпы и способы роста населения.

На сегодняшний день самые известные креолы лексифицированы английским и французским языками. Представители Атлантического и Индийского океана, наряду с гавайскими креольскими языками, послужили основой для большинства теоретической базой развития креольских языков. Хотя термины «креольский» и «креолизация» часто некритически применялись к различным языковым разновидностям, вызванным контактом, также предлагалось несколько различий, которые четко не сформулированы, например, между пиджином, креольским языком и койне, полукреольские, переплетенные разновидности, разновидности европейских языков, созданные иностранными рабочими (например, *Gastarbeiter Deutsch*) и «аборигенные разновидности» европейских языков (например, нигерийский и сингапурский английский). Обозначения и значения этих терминов заслуживают пересмотра.

Развитие креолов

Главный вопрос: как развивались креолы? Сегодня основными конкурирующими гипотезами являются гипотезы субстрата, суперстрата и универсалистские гипотезы.

Субстратистские позиции исторически связаны с «гипотезой детского лепета», которая прослеживается у французских креолистов девятнадцатого века. Предположительно, языки, на которых ранее говорили африканцы, порабощенные на плантациях Нового Света и Индийского океана, были основной причиной того, что присвоенные ими европейские лексификаторы были реструктурированы в креольский язык. Эти французские креолисты считали африканские языки «примитивными», «инстинктивными», находящимися в «естественном» состоянии и более простыми, чем «культурные» европейские языки, с которыми они соприкасались. Системы креолов считались отражением этих неевропейских языков. Связь с детской речью заключается в том, чтобы быть понятыми, европейцы якобы должны были говорить с африканцами как с младенцем, это их интерпретация разговора иностранцев.

Возрождение гипотезы субстрата (без ее расистского компонента) приписывают Сильвену, гаитянскому антропологу [Sylvain, 1936]. Хотя она признает влияние французских диалектов, она утверждает, что африканское лингвистическое влияние является особенным со стороны группы языков Эве, особенно в НС. К сожалению, в последнем предложении своих выводов она заявляет, что креолы говорят на французском языке. Более двух десятилетий спустя Тернер оспорил утверждение американских диалектологов о том, что в ААЕ практически не было следов африканских языков, и показал фонологическое и морфосинтаксическое сходство между гулла и некоторыми западноафриканскими языками (особенно эва). Он пришел к выводу, что «Гулла в долгу перед африканскими источниками».

В начале XXI в. сформировались три основные школы гипотезы субстрата.

Первый подход, возглавляемый Аллейном и Холмом, ближе к подходу Тернера и отмечен тем, что является его главной особенностью: ссылкой на влияние различных африканских языков без объяснения того, какие принципы отбора привлекались, без обращения к источникам. Эта критика не является *ipso facto* обесцениванием субстрата влияния субстрата; это одновременно призыв к более принципиальному подходу и напоминание о том, что природа такого влияния должна быть переосмыслена [Alleune, 1971].

Вторая школа была определена как «гипотеза релексификации». Его ведущий сторонник Лефевр утверждает, что НС – это французская релексификация языков группы Эве-фон (или Фонгбе). Этот отчет о развитии креольского языка подвергся критике из-за нескольких основных недостатков, это следующие: (а) его «сравнительный» подход не принял во внимание несколько особенностей, которые гаитянский креольский язык (также) разделяет с нестандартными разновидностями французского языка; (б) он преуменьшает черты, которые гаитянский креольский разделяет также с некоторыми другими африканскими языками, которые были представлены на Гаити на критических этапах его развития; (с) не было показано, что стратегия присвоения языка связано с релексификацией, обычно используется при натуралистическом овладении вторым языком; и (d) он не учитывает те случаи, когда НС выбрала структурные варианты, которые не соответствуют вариантам Ewe-Fon. Более того, релексификационисты спорят, что языки группы Эве-Фон структурно идентичны и что между ними не было конкуренции за влияние.

Наименее спорной версией гипотезы субстрата является версия Кизинга [Krapp, 1925], которая показывает, что языки-субстраты могут навязывать свои структурные особенности новому, вызванному контактом варианту, если они типологически однородны, причем

большинство из них имеют общие соответствующие черты. Таким образом, меланезийские пиджины похожи на (большинство) своих субстратов тем, что имеют двойные, множественные и исключаяющие различия, а также наличие переходного маркера на глаголе. Санкофф и Браун [Sankoff, 1979] показали аналогичное влияние при заключении в скобки придаточных предложений с *ia*. Однако пиджины не унаследовали всех особенностей меланезийских языков. Например, у них нет основного порядка составляющих VSO, а также у них нет значительной системы числовой классификации в сочетании пелы с кванторами. За обширное обсуждение влияния субстрата у креолов Атлантического и Индийского океанов.

С вышеизложенными генетическими взглядами конкурирует «диалектологическая» или суперстратная гипотеза, согласно которой первичными, если не единственными, источниками структурных особенностей креолов являются нестандартные разновидности их лексификаторов. Говоря об афроамериканском английском (AAE), Крапп (1924), например, утверждал, что «эта разновидность представляет собой архаичное сохранение нестандартной речи белых представителей низшего сословия, с которыми контактировали африканские рабы». По его словам, «влияние африканского субстрата ограничивалось некоторыми изолированными лексическими единицами, такими как *goober* «арахис», *гамбо* и *бамия*». С конца 1980-х гг. Шана Поплак и ее коллеги показали, что AAE имеет много общих черт с белыми нестандартными диалектами Северной Америки и Англии, поэтому он не произошел от бывшего креольского языка [Крапп, 1925]. Поскольку некоторые из тех же особенностей засвидетельствованы и у креольских языков. Следовательно, мы возвращаемся к вопросу о том, что не возникли ли большинство особенностей креольских языков в их лексификаторах.

Что касается французских креолов, позицию диалектолога впервые отстаивал Фейн [Faine, 1937], согласно которому гаитянский креольский язык был, по существу, нормандским французом. Эту позицию позже поддержал Холл (1958), который утверждает, что «основное» родство креольского языка связано с французским языком XVII века, с сильным переносом или пережитками африканской лингвистической структуры (на более поверхностном структурном уровне) из предыдущие языки первых носителей негритянского пиджин-французского языка; его «лексическое» родство связано с французским языком девятнадцатого и двадцатого веков» [Hall, 1966, 372]. Чауденсон [Chaudenson, 1992, 21] более приспособлен к влиянию субстрата как фактора, объясняющего более обширное структурное отклонение креолов от их лексификаторов по сравнению с их некреольскими колониальными родственниками.

«Универсалистские гипотезы», которые были сильными соперниками в 1980-х и 1990-х гг., имеют предшественников в девятнадцатом веке. Например, Адольфо Коэльо [Coelho, 1882,] частично предвосхитил «гипотезу языковой биопрограммы» Бикертонна (1984), заявив, что креолы обязаны своим происхождением действию психологических или физиологических законов, одинаковых повсюду, а не влиянию прежних языков люди, среди которых встречаются эти диалекты. Бикертон пошел еще дальше, заявив, что дети стали креолами, зафиксировав параметры этих новых языковых разновидностей в их немаркированных или стандартных настройках, как указано в Универсальной грамматике. Чтобы учесть межкреольские структурные различия, Бикертон [Bickerton, 1984, 176-177] использует «индекс пиджинизации» (PI), который включает в себя следующие факторы: соотношение носителей языка и неносителей языка на начальных этапах колонизации, продолжительность ранней стадии, скорость увеличения численности рабов после этой начальной стадии, тип социальных контактов между носителями языка лексификатора и учениками, а также продолжался ли контакт между двумя группами после формирования новой языковой разновидности. Некоторые неприятные вопросы, связанные с позицией Бикертонна,

включают следующее: соответствует ли его интуитивно обоснованный ПИ его гипотезе креолизации как внезапной нативизации пиджина? Соответствует ли гипотеза резкой креолизации социальной истории территорий, на которых развивались классические креолы? Как мы можем объяснить сходство между резким креольским языком и расширенным пиджином, если стабилизация и структурное расширение последних не обязательно связаны с перестройкой, осуществляемой детьми? Существуют ли убедительные доказательства того, что речь взрослых в меньшей степени контролируется Универсальной Грамматикой, чем речь детей? Как мы можем объяснить сходство между резкой креолизацией и натуралистическим приобретением второго языка?

Не все креолисты, прибегавшие к универсалистским объяснениям, критически относились к детям к появлению креолов. Например, Санкофф допускает, что универсальная грамматика действует и у взрослых [Sankoff, 1979, 23-47].

В настоящее время немногие креолисты придерживаются одного эксклюзивного генетического отчета, о чем свидетельствуют статьи Муфвене (1993) «Дополнительная гипотеза» [Mufwene, 2001] представляется адекватной альтернативой при условии, что мы сможем сформулировать экологические условия, при которых конкурирующие влияния (между языками-субстратами и суперстратами, а также внутри каждой группы) могут сходиться или преобладать над другими языками. Эта позиция была хорошо предвосхищена Шухардтом [Schuchardt, 1909, 441-461] в его отчетах о возникновении лингва-франка и сарамаккана. В настоящее время проводится все больше исследований, раскрывающих социально-исторические условия, в которых развивались разные креолы.

Тем не менее, будущим исследованиям развития креолов предстоит преодолеть некоторые проблемы. До сих пор знания о нестандартных разновидностях лексификаторов, на которых говорят европейские колонисты, остаются ограниченными. Существует мало исчерпывающих описаний структур креолов, что затрудняет глобальное определение того, как между ними взаимодействовали конкурирующие влияния и как особенности, выбранные из разных источников, интегрировались в новые системы. Лишь немногие структурные факты коррелируют с выводами, сделанными на основе социально-исторического происхождения отдельных креолов. Другие вопросы остаются под вопросом, например, относительно модели маркированности, которая является наиболее адекватной для объяснения отбора признаков в креольские системы.

Креолистика и общее языкознание

Литературы по генезису, социологии и морфосинтаксису ПК гораздо больше, чем по фонологии, семантике и прагматике. Развитие количественной социолингвистики во многом обязано исследованиям ААЕ с середины 1960-х гг. и карибских английских креолов. Это отражено в многочисленных публикациях в журналах «Американская речь», «Язык в обществе» и «Языковые вариации и изменения». Есть также несколько обзоров по креолистике. Холм (1988, 1989), Арендс и др. (1995) и Мюльхойслер (1986, 1997), цитируемые здесь, – это лишь некоторые из ссылок, которые различаются как по адекватности, так и по географическим регионам. Остается надеяться, что Корн положит начало новому направлению сравнительного изучения креольского языка, лексифицированного одним и тем же языком [Bickerton, 1984].

Заключение

Исследования структурных аспектов креольского языка еще не дали информации в общей лингвистике, помимо вопросов привязки времени и конструкций последовательных глаголов.

Например, исследования лектальных континуумов обладали таким потенциалом, но креолисты мало что сделали, чтобы показать, как их результаты могут быть применимы к другим языкам. Смешанная природа мезолектов, этих промежуточных разновидностей, сочетающих в себе черты как акролекта, так и базилекта, должна была информировать общее языкознание о заблуждении, заключающемся в предположении монолитных грамматических систем. Однако в этом направлении сделано мало. Точно так же дебаты о происхождении креольского языка могли бы сообщить исторической лингвистике о важности изменения внешних условий для изменения языка.

Хотя отсутствие консенсуса среди креолистов можно назвать общей причиной этой неспособности повлиять на общую лингвистику, более важной причиной является тревожное безразличие со стороны лингвистов-теоретиков, особенно тех, кто занимается теориями типологии и универсалий. От креолистики нельзя ожидать консенсуса в большей степени, чем от других разделов лингвистики или любой другой научной дисциплины. Однако в более широком контексте языковых контактов (включая овладение вторым языком) исследования, особенно креольского происхождения, оказались значимыми. Можно ожидать большего взаимного обогащения между исследованиями происхождения креольского языка и исследованиями развития (детского) языка, а также между различными областями лингвистики.

Библиография

1. Alleyne M.C. Acculturation and the cultural matrix of Creolization. 1971. P. 169-186.
2. Bickerton D. The language bioprogram hypothesis // Behavioral and Brain Sciences. 1984. № 7. P. 173-221.
3. Bloomfield L. Language. New York, 1933. 564 p.
4. Chaudenson R. Des îles, des hommes, des langues: essais sur la créolisation linguistique et culturelle. Routledge, London, 1992. 340 p.
5. Coelho F.A. Os dialectos românicos ou neolatinos na Africa, -Asia, ae America // Bolletim da Sociedade de Geografia de Lisboa. 1880-1881. № 2. P. 96-129; 1882. № 3. P. 78-451; 1886. № 6. P. 55-705.
6. DeCamp D. Toward a Generative Analysis of a Post-creole Speech Continuum. Cambridge University Press, 1971. 22 p.
7. Faine J. Philologie créole: études historiques et étymologiques sur la langue créole d'Haïti. Imprimerie de l'Etat. Port-au-Prince, 1937. 320 p.
8. Hall R.A. Pidgin and creole languages Creole languages and genetic relationships. Cornell University Press, 1966. P. 367-373.
9. Keesing R.M. Melanesian Pidgin and the Oceanic Substrate. Stanford, 1988. 280 p.
10. Krapp G.P. The English of the Negro // The American Mercury. 1925. № 2.5. 190-5.
11. Lalla B., D'Costa J. Language in Exile: Three Hundred Years of Jamaican Creole. University of Alabama Press, 1990. 253 p.
12. Mufwene S.S. The Ecology of Language Evolution. Cambridge, 2001. 255 p.
13. Sankoff G. The genesis of a language // Hill K.C. (ed.). The Genesis of Language. Karoma, 1979. P. 23-47.
14. Schuchardt H. Die Lingua Franca // Zeitschrift für Romanische Philologie. 1909. № 33. P. 441-461.
15. Sylvain S. Le Créole Haïtien: Morphologie et Syntaxe. Wetter, 1936. 180 p.

Definition of the concept “pidgin” and its relationship with creole languages

Fred R. Mbani

Master's Student,
Institute of Social and Human Sciences, Tyumen State University,
625003, 23, Lenina str., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: fredmbani6@gmail.com

Abstract

The article reveals the definition of the concept of “pidgin” and its relationship with Creole languages. The relevance of the topic lies in competing hypotheses about the existence and development of Creole languages from a linguistic point of view. The article describes the basis of the emergence and evolution of pidgins and creole languages. A review of scientific studies devoted to the structural characteristics of these languages is presented. Certain structural characteristics are identified based on the socio-historical origins of the different creoles. We conclude that Creole is a distinct language, distinct from its lexifiers and its ancient colonial varieties spoken by the descendants of Europeans. Research into the structural aspects of Creole has not yet yielded insights into general linguistics beyond issues of tense binding and sequential verb construction. For example, studies of lectal continua had such potential, but creolists did little to show how their results might apply to other languages. The mixed nature of mesolects, these intermediate varieties combining features of both acrolect and basilect, should have informed general linguistics of the fallacy of assuming monolithic grammatical systems. However, little has been done in this direction. Likewise, debates about the origins of Creole could inform historical linguistics about the importance of changing environmental conditions for language change.

For citation

Mbani F.R. (2023) Opređenje ponyatiya «pidzhin» i ego sootnoshenie s kreol'skimi yazykami [Definition of the concept “pidgin” and its relationship with creole languages]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 13 (8A), pp. 14-22. DOI: 10.34670/AR.2023.32.68.002

Keywords

Pidgin, Creole, lingua franca, nativization, lexification, relexification, creolistic, basilect, mesolect, acrolect, creolist.

References

1. Alleyne M.C. (1971) Acculturation and the cultural matrix of Creolization.
2. Bickerton D. (1984) The language bioprogram hypothesis. *Behavioral and Brain Sciences*, 7, pp. 173-221.
3. Bloomfield L. (1933) *Language*. New York.
4. Chaudenson R. (1992) *Des îles, des hommes, des langues: essais sur la créolisation linguistique et culturelle*. Routledge.
5. Coelho F.A. (1880-1881) Os dialectos românicos ou neolatinos na Africa, -Asia, ae America. *Bolletim da Sociedade de Geografia de Lisboa*, 2, pp. 96-129; 3, pp. 78-451; 6, pp. 55-705.
6. DeCamp D. (1971) *Toward a Generative Analysis of a Post-creole Speech Continuum*. Cambridge University Press.
7. Faine J. (1937) *Philologie créole: études historiques et étymologiques sur la langue créole d'Haïti*. Imprimerie de l'Etat. Port-au-Prince.
8. Hall R.A. (1966) *Pidgin and creole languages*. Creole languages and genetic relationships. Cornell University Press.
9. Keesing R.M. (1988) *Melanesian Pidgin and the Oceanic Substrate*. Stanford.
10. Krapp G.P. (1925) The English of the Negro. *The American Mercury*, 2.5, 190-5.
11. Lalla B., D'Costa J. (1990) *Language in Exile: Three Hundred Years of Jamaican Creole*. University of Alabama Press.
12. Mufwene S.S. (2001) *The Ecology of Language Evolution*. Cambridge.
13. Sankoff G. (1979) The genesis of a language. In: Hill K.C. (ed.). *The Genesis of Language*. Karoma.
14. Schuchardt H. (1909) Die Lingua Franca. *Zeitschrift für Romanische Philologie*, 33, pp. 441-461.
15. Sylvain S. (1936) *Le Créole Haïtien: Morphologie et Syntaxe*. Wetteren.